

Транскрипт на тему:
«Установки молодежи Северного Кавказа как фактор национальной безопасности»

Модератор (Валерий Федоров, ВЦИОМ):

Коллеги, я предлагаю начать. В этот жаркий день, почти уже вечер, спасибо всем, кто пришел. У нас сегодня интересный доклад, который, как я понимаю, до этого публично нигде не представлялся, так что у нас есть возможность получить эксклюзивную информацию, а затем ее обсудить. У нас времени 2 часа всего, из них мы планируем 25 мин потратить на заслушивание доклада, а затем будем обсуждать те 3 вопроса, которые на повестке дня у нас значатся, напомним, первое – каковы основные ценностные тренды кавказской молодёжи, это патриотизм, гражданская идентичность или религиозный фундаментализм, сепаратизм. Второе – каковы основные гражданские факторы, влияющие на развитие идентичности молодежи северного Кавказа, и наконец - противоречит ли укреплению этой идентичности высокий уровень религиозной и региональной консолидации молодежи. Такие вопросы мы бы хотели обсудить, не исключаю, что возникнут и другие, но пока слово Елене Михайловой, директору спецпрограмм ВЦИОМ, которая расскажет об основных результатах исследования и ответит на некоторые вопросы. Елена, пожалуйста.

Михайлова Елена (ВЦИОМ): Последнее время фокус нашего внимания с Северного Кавказа смещен в сторону Крыма, в сторону экономической ситуации, и складывается впечатление, что там все благополучно. Но так ли это на самом деле, ушли ли проблемы, которые требовали решения на Северном Кавказе, на второй план? Сегодня мы вам представим результаты двух исследований, и особый интерес данные могут вызывать именно потому, что у нас была возможность сравнить динамику за 5 лет.

Первый проект был реализован в начале 2011 года, мы реализовывали совместно с Максимом Леонардовичем и Михаилом Леонардовичем Шевченко, и в 2015 опять у нас появилась возможность, получив грант, провести аналогичное исследование. Мы старались обеспечить сопоставимость данных, и поэтому данные по многим вопросам позволяют составить объемную картинку. Еще обращаю внимание на то, что в первом исследовании мы брали в качестве объекта 5 республик, мы анализировали только исламские республики, в этом году мы

добавили еще Северную Осетию - появилась возможность сопоставления данных между республиками, где доминирует исламское вероисповедание, и Северной Осетией. Хочу особо подчеркнуть, что речь идет только о молодежи в возрасте от 16 до 29 лет, это не все население Северного Кавказа.

Прежде всего рассмотрим отношение к органам власти и к российской армии. 2011 год (вы помните, это был другой президент, это был Дмитрий Медведев) - показатели поддержки были существенно ниже, чем сегодня. Сегодня же во всех республиках мы увидели очень высокий уровень поддержки президента.

Правительство находит гораздо меньше поддержки, только в Ингушетии высокий уровень поддержки правительства. И достаточно интересная ситуация по отношению к главам республик. Персонифицировано мы можем сравнивать в динамике оценку деятельности только двух президентов - Евкурова и Кадырова. Все остальные главы республик - это уже новые персоны, то есть здесь уже скорее сравнение отношения к эффективности самого института. В презентации указано значение индекса - индекс рассчитывался как разница между позитивными оценками (положительно оценивали, преимущественно одобрялись или в чем-то не одобряли) и отрицательными оценками (не одобряю/ и преимущественно не одобряю). Наиболее низкое значение индекса в Дагестане - низка поддержка главы республики, мы увидели очень серьезную проблему. При 99% поддержки Кадырова среди молодежи. Иногда мне задают вопрос, - «может, они просто боялись вам говорить, и эти данные не такие уже и точные». Оценка ситуации в отдельных отраслях, и в том числе сравнение показателей по Чечне подтверждает, что все было достаточно откровенно, эти тенденции подтверждаются данными кабинетного исследования: практически не изменились показатели по параметрам развития искусства в регионе, проблемы с поддержкой науки и техники. Эти показатели объективно находятся практически на том же уровне, что были и 5 лет назад, и в нашем исследовании оценки респондентов остались практически на том же уровне.

В ответ на вопрос - насколько адекватны вложения в Кавказ. Мы помним все эти лозунги – «Хватит кормить Кавказ!», мы все это слышали, все эти обсуждения. Дают ли эти вложения результаты? Ответ на этот вопрос мы можем получить, анализируя представленную таблицу. Очевидна позитивная динамика оценок молодежи практически по всем направлениям социально-экономической жизни в республиках - выросли практически все показатели. Единственные показатели, которые оказались ниже прежнего уровня - это в Ингушетии оценка развития

сельского хозяйства и промышленности, то есть текущее состояние экономики республики молодежь оценивает более критично, чем это было 5 лет назад.

И еще хотела бы обратить внимание еще на 2 показателя – оценка возможностей профессионального роста и карьеры и возможности достижения богатства в Северной Осетии, ниже чем в других республиках Северного Кавказа. И это подтверждали данные фокус-групповых интервью: очень высокий уровень пессимизма у молодежи именно в Северной Осетии, ощущение безысходности и очень высокий миграционный потенциал, стремление реализовать себя где угодно, но не в рамках этой республики. Доля тех, кто оценивает высоко те условия, которые у них существуют для того, чтобы применять свою энергию и проявлять активность, она очень мала; только 24% оценили эти условия как хорошие. И максимально высокое значение этих показателей в Чеченской республике, где 66% молодых людей оценивают возможности для самореализации выше среднего.

Проблема, которая требует решения (постепенно наблюдается определенная динамика, но все равно это ключевая проблема) - отсутствие рабочих мест, нехватка рабочих мест. В целом по выборке, в данном случае мы рассчитывали эти показатели по 5 республикам, по исламским республикам, ситуация улучшилась. Если эту проблему называли одной из основных в 2011 году 47%, сегодня она актуальна для каждого 3-го молодого человека. То есть динамика очевидна, но тем не менее, именно этот фактор является базовым препятствием для самореализации. Как добиться успеха, что является условием успеха? Кавказ – это, как мы знаем, традиционно очень крепкие связи; тейпы, кланы друг друга все поддерживают. И в рамках прошлого замера мы видели, что это мешало, влияло и сдерживало проявление активности. Но в Чеченской республике значимость данного фактора сегодня снизилась до 23%, что является результатом принятия ряда управленческих решений, а также обусловлено спецификой развития региона в послевоенный период.

В то же время хотелось бы обратить внимание на очень тревожный показатель по Ингушетии - 47% молодых людей считают, что для достижения высокого статуса и получения материального благополучия важным является принадлежность к исламу. Именно верующие люди, и в данном случае речь шла о мусульманстве, имеют больше шансов добиться успеха, чем те, кто скрывают свою религиозную принадлежность или придерживаются иного вероисповедания.

В отсутствии рабочих мест - это естественно, вполне понятно, почему люди так это воспринимают - считается наиболее престижной и прибыльной занятость в

бюджетной сфере - там, где ты можешь получать стабильный доход и возможно получать еще какие-то привилегии (в эту сторону сейчас не будем уходить).

Все профессии, связанные с творчеством, с образованием, с IT технологиями - они не престижны, не воспринимаются как перспективные. В отличие от ряда других регионов, где молодежь говорит, что именно занятость в IT-сфере сегодня является наиболее прибыльной, интересной и перспективной, на Северном Кавказе этот стереотип еще не сформирован.

Что же остается делать молодым людям? Один из способов самореализации - это служба в армии. Как относятся вообще мужчины (представлено распределение по мужчинам, вопрос задавался только им) к службе в армии? В Дагестане наиболее высока доля молодых людей, которые считают для себя это важным, которые считают это значимым и в принципе ориентированы на службу. И очень высокий показатель суммарный позитивных ответов в Северной Осетии и Алании. В Чеченской Республике, где социализация молодых людей происходила в послевоенный период, где все еще жива память о погибших отцах и дедах - здесь очень низкий уровень ориентации на службу в армии, на этом мы остановимся чуть дальше.

Как воспринимается военная присяга, как относятся к военной присяге. В Чечне, несмотря на то, что ориентация на службу в армии не особо выражена, молодые люди вообще не считают для себя важным прохождение службы в армии, тем не менее отношение к армии очень серьезное, они очень серьезно относятся к присяге. Считают важным для себя соблюдение присяги во время службы в Чеченской республике - показатель сопоставим с тем, который соответствует количеству готовых служить в армии. То есть здесь надо различать именно восприятие армии как социального института и ориентацию на участие в этой деятельности. В Северной Осетии считают присягу священной клятвой, которой надо следовать, только треть молодых людей.

Какие основные причины, что лежит в основе желания служить и благодаря чему формируются такие установки? Эти тенденции были выявлены в ходе фокус-групповых интервью, их было много, их было 14, во всех республиках мы беседовали с молодыми людьми - больше 100 человек приняло участие в обсуждении. Ключевые факторы, которые мотивируют на службу в армии на сегодняшний день, опять-таки связаны со стремлением самореализоваться. То есть когда молодой человек идет в армию, он и его родители надеются на то, что

он сможет закрепиться в регионе прохождения службы и сможет потом в этом регионе трудоустроиться.

Вторая группа ответов связана с перспективой построения дальнейшей карьеры в силовых структурах - правоохранительных органах и в армии. И дальше, уже только на 4 месте, мы видим такой фактор как воспитание молодых людей. Да, особенно это было выражено в Северной Осетии, где родители хотят изолировать детей от влияния неких социальных групп, пытающихся повлиять на их сознание, в том числе и тех групп, которые вовлекают в экстремистскую деятельность против ИГИЛ. Здесь, когда ребенка отправляют в армию, считают это гарантией того, что он не окажется вовлеченным в сети.

Как же молодежь воспринимает нашу позицию на международной арене, прежде всего, удары, которые совершались по ИГИЛ. В Ингушетии и в Чеченской республике скорее отрицательное отношение, доминирует отрицательные оценки (большое количество затруднившихся ответить). Действительно, когда мы обсуждали это на группах, - это не боязнь выразить свою поддержку или отрицание наших ударов, а именно неопределённость позиции. А как же относится молодежь к тем, кто уехал сражаться в ряды ИГИЛ? Как они их воспринимают, как они объясняют их действия? Мы конечно хотели бы увидеть ответы «это преступление против ислама» в числе доминирующих. Но только в Дагестане треть молодежи высказало такую позицию. Во всех остальных республиках восприятие активного участия в рядах исламских террористов, в ИГИЛ, не находит такого явного сопротивления и осуждения. В Чечне, в Осетии только каждый 10-ый человек был готов назвать этих людей преступниками. В чем они видят причины вступления в ИГИЛ, чем они это объясняют, с чем надо бороться? Прежде всего, среди всех ответов доминировал ответ «специфическое толкование религиозных учений», но надо обратить внимание, что между верующими, между теми, у кого доминирует религиозная идентичность, и между теми, у кого доминирует гражданская идентичность, существуют существенные различия. Сами верующие не считают, что неверное толкование каких-то канонов может привести в ряды экстремистов, склонны скорее объяснять поступки этих молодых людей отсутствием возможности самореализации и стремлением к наживе. В то же время те, у кого доминирует гражданская идентичность, видят причины именно в религиозном факторе.

В Дагестане доминирует показатель, связанный с отсутствием работы и средств к существованию. В рамках фокус-групп, когда долго беседовали, тема достаточно сложная, мы пытались выяснить истинные причины, - было только 3

человека, которых не пытались вербовать в ИГИЛ, у всех остальных была такая практика, к ним подходили, им писали и им рассказывали друзья - практически всех пытались туда вовлечь, с ними работают очень активно. И в Чеченской республике менее выражен фактор специфического толкования религиозных учений (в то время как для КБР, напротив, это очень важно).

Что касается религиозной идентичности, насколько она выражена и насколько привержены своей вере молодые люди. Конечно, в Чеченской республике это 100%-ная религиозная идентичность. В то же время КБР молодые мусульмане чаще говорили о том, что это одна из многих религий, и в принципе они готовы активно взаимодействовать с представителями других вероисповеданий.

У любопытно отношение к джихаду - когда мы спрашивали, что такое джихад, как вы это воспринимаете, какое место занимает в религиозном учении. В Ингушетии мы увидели, что наибольшее распространение получили стереотипы восприятия джихада как обязательной практики и как инструмента, позволяющего добиться справедливости. То есть это некое средство для установления порядка. В Карачаево-Черкесии и в Чеченской республике жёсткая позиция, связанная с тем, что это экстремистская практика, которая должна быть истреблена.

И говоря о том, что является главным смыслом деятельности религиозно-политических экстремистов, наши респонденты в разных республиках называли разные варианты. Если Дагестан, как мы уже видели в предыдущем ответе, доминируют ответ - стремление к власти и стремление к наживе, то в Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкесии наиболее распространены убеждения, что такая деятельность обусловлена наличием финансовой поддержки от зарубежных государств. Здесь опять в Чеченской республике всплывает очень высокая доля тех, кто не определился со своей позицией. Не готов как-то оценить свое отношение к этому явлению.

Основная тема нашего исследования была «Самоидентификация молодежи Северного Кавказа как фактор национальной безопасности». Конечно, мы изучали все идентичности, мы смотрели в контексте доминирующих идентичностей и групп идентичностей, которые вы видели. Когда мы говорим о религиозной идентичности, гражданской - мы наблюдаем следующее распределение. В Чеченской Республике гражданская и исламская, мусульманская идентичность - они практически совпадают, в 83% случаев они идут вместе. В тоже время в Ингушетии наблюдается выделение группы тех, для кого гражданская идентичность является незначимой, и очень высока доля молодёжи религиозной, дистанцированной от политических

процессов и ведущей специфический образ жизни, в чем-то изолированный. В Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкессии больше тех, у кого выражена в чистом виде гражданская идентичность, все другие идентичности не имеют столь высокого веса.

Если мы сравним эти показатели с данными 2011 года, мы увидим следующее. За последние годы в Дагестане несколько выросла гражданская идентичность и несколько снизился фактор национальной идентичности. В Ингушетии напротив, наблюдается очень резкое увеличение фактора региональной исламской идентичности. В Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкессии, в Чеченской Республике идентичность, связанная с религиозной составляющей, осталась практически на том же уровне, но выросла гражданская идентичность, и вырос показатель региональной идентичности, то есть восприятия себя как представителя своей республики, территориального образования.

То, о чем говорили эксперты, то, что мы видели в рамках фокус-групп, то, что в принципе при факторном анализе дают и данные опросов - выделяются 3 основных группы молодёжи, выделяются страты (исключением является Чеченская Республика, в остальных республиках очень четко выделяются). 3 группы молодежи, которые в принципе очень слабо между собой коммуницируют, каждая из которых имеет свою мотивацию, свой образ жизни и свои стратегии успеха. Во-первых, это «золотая» молодёжь, у которой все понятно, у которой есть возможность самореализации, у которой есть перспективы и, исходя из этих перспектив, выстраивают свои жизненные стратегии. Религиозная молодёжь - это особая группа, для которых вера становится смыслообразующим ключевым элементом. И политические активисты - хочу обратить внимание на эту группу. Сейчас все обращают внимание на то, что сейчас все политические элиты омолаживаются, но это не то, что происходит на Северном Кавказе. Вступление в партию и выстраивание карьеры политической сфере – это стратегия самореализации, не связанная ни с какими убеждениями, ни с какими вовлечением в общественно-активную деятельность и т.д. Это карьерная прослойка, которая очень скептически воспринимается молодёжью, всеми остальными группами молодежи. То есть говорить о воспроизводстве политических элит через эти группы мы вряд ли можем, потому что остальная молодёжь не видит своих лидеров, они изолированы, они строят свою карьеру - и в этом есть существенные риски.

Суммируя, хочется вернуться к вопросам идентичности. В чем мы видим какие-то основные риски, какие-то проблемные зоны, на которые следует

обращать внимание, наверно, в первую очередь. Во-первых, в Ингушетии высокая доля тех, кто дистанцирован от политической жизни, тех, для кого религиозная составляющая является ключевой в этой жизни, и в данном случае особую роль приобретает влияние на сознание этих людей имамов, представителей духовенства.

То, о чем говорили многие эксперты (об этом говорили и в Дагестане, и в Северной Осетии) - длительное время существовал запрет на привлечение к службам людей, получивших мусульманское образование за рубежом. Однако этот вопрос требует дополнительного изучения, потому что бороться с теми очень продуманными месседжами, ключевыми сообщениями, которые транслируются представителями исламских группировок, представителей ИГИЛ, могут только очень хорошо образованные и аргументирующие свою позицию носители знаний. Те, кто воспитывался в российских университетах, к сожалению, сегодня не находят аргументированных позиций для того, чтобы переубедить или вовлечь молодёжь. Это одна из проблем. Какой путь выберет эта большая группа молодежи зависит именно от тех транслируемых сообщений, которые до них будут доноситься.

Лично у меня очень большую тревогу вызывает именно Северная Осетия, где пессимизм и достаточно пассивная включенность в религиозную жизнь при отсутствии каких-то возможностей для самореализации в общественной жизни накладываются на очень активную деятельность идеологов ИГИЛ. И наблюдается увеличение за последние годы численности молодежи, которая меняла свое вероисповедание.

Что касается Дагестана, здесь мы скорее видим очень критичное отношение к политическим мероприятиям. Есть позитивные сдвиги, есть позитивная динамика, но очень вредят на сегодняшнем этапе те мероприятия, которые проходят в республике, тем целям, которые преследуются этими мероприятиями. То есть когда на государственном уровне загоняют молодёжь на демонстрации и т.д., это вызывает отторжение и препятствует укреплению гражданской идентичности.

Чеченская республика - да, молодежь поддерживает президента, поддерживает Кадырова, но дистанцируется от участия в деятельности органов защиты государственных армии, воспринимают свою силу как мощную, независимую, что продуцируется всеми средствами с массовой информации, теми сообщениями, которые постоянно появляются. И это позиционирование молодежи республики как некоей особой силы, обладающей специфическими каким-то

ресурсами, оно в определённой степени может вредить безопасности этого региона.

Модератор: Спасибо. Давайте вопросы.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Доклад назван «Установки молодежи», в то время как название скорее говорит о представлениях, потому что все-таки есть разница, потому что я ни одной установки в теоретическом смысле я не услышал. У меня вопрос, так все-таки исследовались установки или социальные представления?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Мы исследовали прежде всего в контексте идентичности те стратегии, которые выбираются молодежью.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): То есть все-таки социальное представление и модели социальной деятельности

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Да.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Все, услышал. И второй вопрос, когда вы говорили об исламе, различали ли вы то, что ислам в каждой республике очень разный. Но мне хотелось бы понять, различались ли представления об исламе, потому что с моей точки зрения, ислам в Дагестане и ислам в Ингушетии. Это как говорят в Одессе, две большие разницы и трудно выстраивать единое отношение к нему Объясните мне, в каком смысле это одно и то же?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Нас, прежде всего, интересовали социально-экономические проблемы молодежи и препятствия для самореализации, которые могут негативно отражаться на безопасности.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): То есть ислам с вашей точки зрения - это негативный фактор?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Не могу так сказать, это неправда, - вера, ислам формируют мировоззрение, это одна из мировых религий. Что же касается различных течений в исламе - в количественном опросе мы не могли это рассматривать как основание для построения выборочной совокупности. Мы старались при анализе учитывать, что речь может идти о разных течениях ислама, но отдельно мы не анализировали и особо квоты по этим группам мы не выделяли. Все-таки речь шла обо всей молодежи региона – как верующих (православных и мусульманах), так и атеистах. Задачи исследования не включали в себя акцентирование внимания и выявление различий между различными течениями

ислама – задачи в большей степени касались социокультурных аспектов модернизации региона и факторов риска.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Услышал, у меня вопросов нет

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Мы спрашивали про конфликты между разными национальными группами и разными течениями ислама.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Когда вы спрашивали про армию, вы различали (у вас там в Чечне народ не хочет идти в армию), - различали ли вы российскую армию, одна история, - и структуры внутренних войск, подчиненные местному руководству?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Мы спрашивали исключительно про российскую армию, у нас была конкретная цель. Мы затевали это исследование для того, чтобы понять, могут ли все молодые люди Северного Кавказа призываться без каких-либо ограничений

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Ответ получен.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Про внутренние структуры - нет, это несколько другой аспект.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Просто если вы спрашивали про российские вооруженные силы – была одна история, российскую вооруженную армию - другая история,

Модератор: Ок, это были вопросы, есть еще вопросы к докладчику? Да, пожалуйста.

Леокадия Дробижева (ИС РАН): Я хотела бы выразить большое почтение Елене Александровне. Работать в этом регионе - это нужно быть очень отважным человеком и преданным науке, и низкий вам поклон. Должна сказать, по тем исследованиям, какие там идут, мало кому можно верить, особенно в Осетии - они всех исследуют, а потом получается ничего. Есть один вопрос, на который вы можете ответить. Пытались ли вы взвесить значимость факторов, которые влияют на эти установки, поддерживающие ИГИЛ. Вы вводите политические факторы. Можно взвесить значимость этих факторов - или это невозможно. И как дополнение в каждом регионе может быть своя система факторов - есть ли сильные различия, если возможно.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Мы это анализировали. Есть значимые различия в Дагестане и в Северной Осетии, я косвенно об этом сказала. Северная Осетия это скорее невозможность самореализации, это доминирующий фактор.

Леокадия Дробижева (ИС РАН): Это доминирующий фактор, ведущий в ИГИЛ, с Вашей точки зрения. То есть вы считаете, неспособность самореализации в Северной Осетии есть дорожка, ведущая в ИГИЛ?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Да, в Дагестане немножко другое, там более значима неопределенность ценностной системы, там как раз очень разные течения религиозные, и между исламскими течениями очень часто возникают конфликты. Это тот регион, где 47% молодежи беспокоят конфликты между представителями разных течений ислама, и это как раз влияет на принятие выбора.

Модератор: Леокадия Михайловна, удовлетворяет вас этот ответ?

Леокадия Дробижева (ИС РАН): Я потом немножко скажу.

Модератор: Коллеги, еще вопросы. Представьтесь, пожалуйста.

Евгений Моргунов (ИСЭПН РАН): Евгений Владимирович Моргунов, институт народонаселения РАН. У меня 2 вопроса первый – уточняющий, что такое гражданская идентичность, и второй - все-таки какие профессии считаются наиболее престижными у кавказской молодёжи?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Про гражданскую идентичность мы задавали вопрос традиционный - кем вы считаете себя в первую очередь, вторую, третью. И когда люди говорили «я гражданин Российской Федерации» - это гражданская идентичность.

Модератор: Просьба чуть громче говорить.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Что касается профессий - все стремятся попасть в бюджетную сферу. Это наиболее популярные профессии - чиновник, госслужащий. Раньше был еще «сотрудник правоохранительных органов», сейчас это уже не столь популярно.

Модератор: Еще вопросы.

Марина Мчедлова (ИС РАН): Два вопроса. Чем вы объясняете для себя, на мой взгляд, разительные противоречия. С одной стороны, с точки зрения традиционного общества, ингуши от чеченцев себя отличить не сильно могут, а в плане значимости религиозного фактора различия огромные, что может за этим стоять, это первое. И второе – в Чечне больше половины ваших респондентов сказали, что экстремистские надо ликвидировать и вместе с тем, почти столько же

затруднились ответить на вопрос. Что это такое? То есть четкая позиция в одном случае - и полное ее отсутствие во втором.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Первый вопрос. Я не могу сказать, что религиозная идентичность в меньшей степени выражена в той или иной республике. Посмотрите на распределение - получается приблизительно на одинаковом уровне. Мы видим значимые различия в части степени пересечения с гражданской. В Чечне она накладывается на гражданскую и идет параллельно, эти идентичности не противоречат друг другу. В Ингушетии наблюдается дистанцирование значительной части. То есть религиозность выражена практически в той же степени, но идет самостоятельно в Ингушетии. И второй Ваш вопрос?

Евгений Моргунов (ИСЭПН РАН): Про отношение к экстремизму.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Отношение к экстремизму - там затруднились ответить респонденты, оценивая мотивацию вхождения в ряды преступников. Здесь, во-первых, все-таки надо смотреть на исторические периоды развития республики, и борьбу, которая происходила там, и во-вторых, я думаю, что это ключевой фактор - влияет на отношение к экстремизму жесткая позиция главы республики. Если бы она не была обозначена столь четко, возможно, мы увидели бы какие-то другие результаты.

Модератор: Ок. хорошо еще вопросы. Все тогда, коллеги? Давайте последний вопрос.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Скажите, а вы регион Кавказ не брали как единое целое, а брали только как субъект федерации?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Нет, мы по ряду параметров рассматривали молодежь региона и как единое целое.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Можно спросить, какие параметры?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): По уровню образования мы смотрели в целом и по отдельности, мы смотрели уровень удовлетворенности спортивными мероприятиями, проводимыми массовыми мероприятиями. Всего у нас было более 60 вопросов, конечно здесь мы только маленькую верхушку айсберга смогли осветить. Пожалуйста, обращайтесь, всегда можем обсудить и другие данные.

Модератор: Хорошо. Спасибо за вопросы и ответы. Предлагаю перейти к обсуждению кто хотел бы начать?

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Коллеги, прежде всего, я хотел бы поблагодарить не чужой мне ВЦИОМ за то, что они провели большое эмпирическое исследование, которое позволяет уже не на спекулятивном, а на эмпирическом уровне разговаривать на эти темы.

Как известно, в Общественной палате мне приходится заниматься этим же кругом проблем (мы проводим выездные заседания комиссии) и в силу этого накапливается свое представление о происходящем. Это представление отчасти базируется на включенном наблюдении, включая сюда общение с членами общественных палат этих республик, с экспертами, часть из которых присутствует тут.

Главный вопрос нашего обсуждения, как все-таки представления и модели социального действия собрать в некоторую объяснительную, лучше всего, теоретическую картинку. Присутствующие знают, что это любимое мною занятие. Соответственно, нужно соответствовать ранее взятым на себя моделям действия. Если удастся выстроить необходимую объясняющую картинку, то полученный эмпирический может быть интерпретирован чуть иначе. Такая интерпретация позволит делать выводы в отношении такой задачи как фактор национальной безопасности. Эта проблема действительно остро дискутируется на разных этажах государственной власти и долг исследователей внести посильный вклад в это обсуждение.

Я считал бы неправильным ограничиваться теми вопросами, которые непосредственно спрашивали. Представляется, что если не ввести обсуждаемую проблему в макросоциальную рамку, то многое становится непонятным.

Прежде всего, о чем я говорю об общих для нашей страны процессах социализации и связанных с ними трендами индивидуализации и рационализации. Молодежь Северного Кавказа не является исключением. Она, правда с запаздыванием, по отношению к большинству регионов страны, проходит этот этап индивидуализации и рационализации. Мы сегодня забываем, что 20 лет назад похожие процессы были характерны для нашей страны.

С чем же сталкиваются молодые люди в рамках этих процессов. В принципе, хорошо было бы, если в ходе этих процессов работали механизмы социальной интеграции. Чтобы по каналам СМИ транслировались ценности и нормы, которые в итоге необходимы для тех социальных практик, которых требует реальная жизнь. Но с этим в этих регионах сильно хуже. Механизмы социализации и социальной интеграции действуют недостаточно эффективно. Первое семья, в которой в все-

таки больше преобладают партикулярные ценности. И в этом смысле семья не является на Северном Кавказе эффективным институтом социализации, социальной интеграции. Не буду в этом контексте говорить про школу, это больная история в этом регионе. Еще менее эффективна массовая культура, которая конечно же транслирует модели, ценности и представления индивидуализации и рационализации, но не является ни в малейшей степени адекватным для этого региона механизмом социальной интеграции.

В этой ситуации, это хорошо известно из социологической теории, возникает проблема кризиса идентичности. Это абсолютно неизбежный результат, который выявлен в ходе исследования. Так какие же пути разрешения этого кризиса предлагаются? Первое, это установка - на справедливость. Справедливость это традиционная российская ценность, но это также базовая ценность ислама, который пронизывает всю эту культуру. В этой ситуации, попадая в социокультурную неопределённость, молодые люди начинают решать, как они могут жить. И здесь нужно учитывать вторую установку, которую тоже нельзя сбрасывать со счетов, это установка воина, которая высоко значима в этом регионе. Боец, воин, победитель и т.д.

И не учитывая эту установку, многое непонятно. Поэтому я и спрашивал про отношение к армии., Но для молодежи есть другой путь - региональные силовые структуры, где реализуется установка воина, где делается карьера и т.д. Поэтому не удивительно, что, с одной стороны, в Чечне в армию не идут, а, с другой, присяга обладает священным статусом. В вооруженные силы на Кавказе идут. Известно, что в Дагестане платили взятки, за то, чтобы призвали. А в Чечне такой проблемы нет. Надо понимать, что в отличие от глупостей, которые писали некоторые наши эксперты, цель создания Национальной гвардии состояло как раз в том, чтобы вынуть соответствующие вооруженные ресурсы из рук региональных руководителей. Посмотрим теперь, как это скажется на желании служить в целом в ряде республик северного Кавказа.

Вопрос как работает эта система, вся базирующаяся на партикулярных ценностях, на традиционных отношениях. Молодые люди сталкиваются с альтернативой: либо они вписываются в эту систему и мы видели, какая их доля вписывается, а какая часть не считает это справедливым, считает для себя приемлемым вписываться в эту системой.

Эта часть начинает искать пути установления справедливости. Проблема справедливости и несправедливости: это та развилка, которая определяет, куда пойдут молодые люди, это первое.

И когда вы говорите о ресурсах псевдорелигиозного экстремизма (мы много работаем с этими ресурсами, читаем этот самый ИГИЛовский журнал, на русском языке) это, прежде всего, обращение к установке воина. Они разыгрывают это абсолютно профессионально. В этой пропаганде псевдорелигиозного экстремизма религиозное измерение не играет значимой роли. Если необходимо, мы можем собрать закрытый семинар у себя и показать эти самые их ролики и т.д.

Но с Ингушетией это отдельная история. Я не хочу у Елены Михайловны отбирать хлеб, но как говорят большие религиоведы, то там ситуация заключается в том, что это не традиционный Ислам. Поэтому когда вы начинаете интерпретировать то, что происходит в Ингушетии, это совсем другой ислам, это прямая, извиняюсь, вербовка в ряды ИГИЛа. Здесь вспоминается известная история. Когда Семена Михайловича Будённого спросили, как ему понравился Бабель (имелось в виду его выступление на съезде писателей)..он спросил, а это смотря какая бабель. Вот здесь налицо разная бабель.. И ситуация в Дагестане - это просто отдельная история.

Для интерпретации я бы попробовал бы собрать религиоведов (вот они рядышком сидит) и попытаться наложить религиозную картинку, кто там за что, и наконец последнее.

Коллеги, нужно понимать, что влияние имам-хатыбов и мулл на молодежь очень маленькое Почему? Потому что как только муллы и имам-хатыбы начинают обращаться к молодежи, раздаются выстрелы. Имеется просто жесточайшее давление на имамов традиционных направлений. Хоронить – хороните, суры Корана - читайте, собирайте на молитвы – это ваша история. Как только сунетесь к молодежи, и, это не пустые угрозы, количество погибших имамов, в том числе и в Дагестане, это уже значимая величина.

В выводы, связанные с национальной безопасностью, следует включить, пункты, связанные с повышением эффективности механизмов социализации и социальной интеграции. Здесь мало вести разговор про необходимость увеличения рабочих мест. Сначала нужно понять, какие рабочие места повлекут за собой интеграцию, социальную самореализацию. Может быть, вовсе и не плохо, если представители Ингушской республики поедут мыть золото, как многие из них это делают, по бескрайним просторам нашей родины. Вот те, кто моют золото, они уже

вербовке не поддаются. Спасибо за внимание. Извините, если я перебрал регламент.

Модератор: Спасибо, Иосиф Евгеньевич, кто продолжит?

Евгений Моргунов (ИСЭПН РАН): Я бы хотел начать издаleка. У меня есть знакомый чеченец, он живет в Страсбурге во Франции. Мне 40 лет, он чуть-чуть старше меня, он был ребенком пионером в советское время, и никакой исламской подоплеки у него не было; потом произошли известные события 1990-х годов. И теперь я перехожу уже от частного к общему. Я не устаю повторять, что согласно нашей Конституции Россия — это социальное демократическое светское государство. Поэтому «заигрывания» государства, общества и так далее с любыми религиозными представлениями — непродуктивно, и прежде всего с исламом. Нет никакого плохого ислама или хорошего ислама, с моей точки зрения, религия – это частное дело каждого человека. И государство должно развивать в нашей стране, демократические и научные и другие светские ценности. И поэтому возвращаясь к молодежи в целом, и кавказкой молодежи (чеченцы и т. д.) - она еще относительно недавно была мало «заражена» религией, в том числе и исламом, особенно в его агрессивной форме. Поэтому, с моей точки зрения, стратегия нашего государства должна быть направлена на формирование именно гражданской идентичности и полностью российской во всех субъектах Федерации, в том числе и кавказских республиках. Это долгий процесс, с моей точки зрения, но именно он должен быть актуализирован, то есть разработка мероприятий по формированию именно гражданской идентичности, опора на светское образование, науку, а не, скажем так, религиозные и другие представления. Если вкратце – то это моя точка зрения по данному вопросу.

Марина Мчедлова (ИС РАН): Спасибо большое, прежде всего, я бы тоже хотела воспользоваться случаем и поблагодарить за действительно очень интересное исследование. Которое, как мне кажется, я искренне восхищаюсь, потому что меня дальше одной республики тоже не очень пускают, но достаточно сложно и страшно, и опасно, и надо применить максимум усилий, чтобы все это сделать, с одной стороны. С другой стороны, как мне показалось, в исследовании была предпринята попытка достаточно всестороннего исследования, то есть не замыкание только на религиозной идентичности, и даже наоборот, исследование показало очень неоднозначный контекст, который существует в республиках

Северного Кавказа. Неслучайно это выступление - уже подтвердили, что есть советское наследие, есть общегосударственные установки, есть существующие гражданские светские институты, есть система образования, есть какое-то общекультурное пространство, общая целостность и гражданское пространство. А есть то, что начинает возникать заново, может быть, в новых формах, - это религиозные и традиционалистско-архаичные моменты, которые, вероятно, переформируют архаичные традиционные моменты, весь контекст. Есть религиозные и достаточно архаичные моменты (я не буду обращаться к теории, которую мы все знаем), которые сегодня также тоже переформируют контекст. Поэтому, когда мы говорим «Северный Кавказ», у всех всплывают мифы, стереотипы и наши представления, которые мы имеем. И, с одной стороны, эти мифы и представления черпаются у кого-то из литературы, у кого-то из обыденных представлений, у кого-то – из 90 годов, когда вот были достаточно трагичные для всей страны и для каждого человека события. С другой стороны, у нас есть другое представление о Кавказе, которое мы черпаем из истории советской власти и так далее. Поэтому, конечно, это исследование мы можем только приветствовать. Это неоднозначный контекст, я еще раз хотела бы подчеркнуть, и вопрос о том, что происходит на самом деле, является ключевым. А следующий вопрос – какие должны быть политические и управленческие стратегии для того, чтобы снизить риски и угрозы безопасности и увеличить возможности перехода из красной зоны в зеленую зону, а может быть, не совсем в зеленую, для того, чтобы быть застрахованными от тех угроз, которые сегодня возникают. Я бы остановилась на нескольких моментах. Первое: вопрос очень правильный, вопрос не гражданско-универсальный, но очень правильный вопрос - из разнообразия ислама происходит диверсификация стратегий, которые будут выбраны, не дай Бог, в определенных ситуациях, в конкретных ситуациях с теми или иными представителями. И это разнообразие ислама не значит, что есть верные и неверные, правильные и неправильные. Конечно, нет. Из разнообразия ислама, которые еще не укоренены в традиции, выплескивается то, что, например, в Ингушетии больше людей исключительно религиозного мировоззрения, тогда как в Карачае и Кабарде – больше с гражданской идентичностью или со сдвоенной идентичностью (например, Карачай и Кабарда, в которых были приняты совместные династии), и плюс достаточно большие вкрапления русского населения, которое тоже породило определенные алгоритмы существования и механизмы, и, соответственно, иное воздействие на пришлых, приходящих от того

же ИГИЛ. Ну вот, например, Кабардино-Балкария. В Кабардино-Балкарии сегодня достаточно активизировались экстремистские группировки, но я не могу их назвать, что они посланцы ИГИЛ или еще что-то - это может быть даже местное население, для которого, с их точки зрения, приверженность традиционным ценностям ислама является более важной, чем какие-либо другие. Прежде всего, это связано с антропологическими проекциями. Вот вы говорили про похороны, когда могут в село прийти, скончалась женщина, на какой день, согласно всем гражданским нашим канонам, надо пройти все гражданские процедуры, и на второй-третий день – похороны, и да, они приходят, заставляют хоронить, и это порождает вооруженные столкновения. ОМОН приезжает. Частный случай, я хочу сказать, вот этого разнообразия кланов. Когда, например, в Ингушетии и в Чечне – суфийский клан, суфийский ислам. Соответственно, происходит вот эта консолидация групп, консолидация, которая вытекает еще и из консолидирующего символа – отца нынешнего президента Чеченской республики, который имел высшее образование, имел очень мощное влияние как религиозный лидер. К сожалению, Рамзан Кадыров молодость посвятил другому, поэтому нет такой серьезной религиозной опоры, однако это тоже очень показательно. И вот это разнообразие ислама – суфийский ислам, суннитский ислам, салафиты, которые пришли и обосновались, они порождают, опять же повторяюсь, определенное разнообразие. Северная Осетия. Северная Осетия вообще в такой достаточно специфической ситуации: ислам не является доминирующей религией, соответственно, воздействие тех, кто, кто приходит, начинает задевать уже не только исламскую молодежь, но и другую, в том числе и язычников, в том числе и православных. И я с вами тут абсолютно согласна, что основным критерием является не правильность или неправильность религиозного вероучения. Почему? Потому что все разнообразие ислама, которое существует на Северном Кавказе, относят к правоверным шариатским школам, которые сосуществуют одновременно, и признаются всеми. Вопрос о суфийской традиции. Немножко другая традиция, но, по большому счету, их нельзя обвинить, что это неверные учения. Поэтому я перешла вот к следующему моменту, что на вот это разнообразие ислама невозможно - а на что можно воздействовать? И, конечно же, воздействовать на то, на что воздействуют во всем мире – неудовлетворенность жизнью, невидение перспектив, тот самый пессимизм, социально-экономические... Значит, 10 лет назад это подтверждалось, что невозможно себя реализовать. Что предлагает ислам, ИГИЛ? В исламе, в отличие от православия и других религий, уже есть состоявшийся политический идеал. Вот

мы не знаем идеал государства, оно где-то в будущем, у кого какое, и вся политическая философия пытается его нарисовать. В исламе он есть. Это времена, халифат пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов. И тогда ИГИЛ говорит о том, что он строит халифат, это значит, что он воплощает идеальное политическое устройство. Когда только ИГИЛ стал выкладывать ролики о себе, в том числе и совершенно ужасающие, в Чечне, в Дагестане и в Ингушетии 300-400 просмотров в день только было. Не потому, что все побежали, а потому что всем было интересно, а как же на самом деле должно быть по исламу то, что проповедовал пророк и четыре праведных халифа. И поэтому вот ужас, помните, когда сожгли летчиков из Иордании в клетке, в огне. Согласно установлениям, они должны были умереть той смертью, которую они принесли другим, то есть в закрытом помещении и в огне. Я не хочу давать свои оценки как варварства наблюдателя со стороны, но если исходить изнутри - они смотрели, как должно быть. Тут можно приводить массу примеров, и тут встает вопрос, который вы тоже ставили, я неслучайно это отметила – в фокус-группах вопрос о подготовке наших священнослужителей. Что можно противопоставить? Конечно, как человек, который получил образование в каирском, в саудитовской академии, в том же Зейтуне очень экстремистском, из Туниса, - он все равно гораздо более образован, подкован в интерпретации, в объяснении и выведении логических связей, чем, к сожалению, те священнослужители, которых готовили у нас. Поэтому не случайно вопрос о подготовке священнослужителей - он ключевой для того, чтобы возможно было сформулировать альтернативу. Я с вами согласна, должна быть и светская альтернатива. Та самая альтернатива, которая предложит реальный хотя бы идеологический мотив, подкрепленный практическими шагами к смыслу жизни. Выложит эту траекторию. Хотя следующий момент, я с вами абсолютно согласна, проблема справедливости. Что лежит за словами? Справедливость. Этот же мир несправедливый. У золотой молодежи 15 машин. И у нее все есть, а у меня родители в ауле копают картошку, и мы голодаем, извините, и у меня никаких перспектив. Я готов дать взятку и идти служить в армию, только чтобы не быть нахлебником у родителей, и потом как-то состояться в жизни. Поэтому этот вопрос поиска справедливости, которая может быть всеобщей во всем мире, - это уже глобальный вопрос. Сейчас он наиболее акцентирован. И вот справедливость. Приходит проповедник (или не проповедник, а кто-то), и начинает рассказывать про справедливость, а практически в каждом аяте, в каждой суре – про справедливость. Про справедливость. В Коране появляется слово «справедливость» так же часто,

как в православии слово «правда» - это одно и то же. Но не случайно говорят, что ислам – это религия справедливости и милосердия. Если брать Коран, то по частоте упоминания, наверно, слово «справедливость» является основным.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Аллах справедливый и милосердный.

Марина Мчедлова (ИС РАН): С одной стороны, слова – справедливость, справедливость, справедливость, с другой стороны, социальное и политическое переустройство – справедливость, справедливость, и здесь справедливость, а с третьей стороны, вот он – самый легкий и возможный путь достижения справедливости. И тогда настает последний момент, на котором мне хотелось бы остановиться - это, наверно, вопрос о джихаде. Наверно, вопрос о джихаде является тем рычагом, на который наматывается, как мне кажется, все остальное. Вот когда мы готовили, помогали готовить социальную доктрину российских мусульман, там специально был включен небольшой раздел для того, чтобы объяснить, что такое джихад. Ибо джихад – это не связать себя поясом, не схватить саблю и не крушить всех подряд. Когда молодой человек пришел к Пророку и сказал: «Пророк, я оставил пожилого отца и пожилую мать, хочу идти с тобой воевать против неверных», что ему Пророк ответил? Возвращайся домой, ухаживай за родителями, и этим совершается джихад. Поэтому вопрос о джихаде является ключевым. И неслучайно еще Примаков покойный Евгений Максимович ввел понятие джихадиста, объясняя вот это изменение смысла джихада, в том числе и очень политизированного. И вы знаете, получилось, молодежь не знает об исламе, даже если они себя позиционируют очень верующими, так же, как наши православные о православии – практически ничего. Практически ничего не знает. И, конечно, он пойдет за тем, кто знает больше красивых слов, кто больше цитирует пророка Мухаммеда. И, соответственно, для них очень интересен джихад. Он приходит, вот джихад – ты убьешь неверного – сразу в рай, если погибнешь, пойдешь на джихад с неверными – везде будет халифат, будет справедливость.

Конечно. Для Северного Кавказа вот эта вот воинская доблесть, когда абрек, абрек в хорошем смысле слова, воин, витязь в тигровой шкуре, так назовем, или абрек, - это, конечно, очень мощная установка. Поэтому это все, сливаясь воедино, порождает то, что слово «джихад» не только обладает магической силой, но и начинает обладать магической практикой. Естественно, я бы вернулась еще раз к

вопросу образования священнослужителей, про что я говорила. И последний, наверно, вывод... Вы знаете, у нас вопрос об управлении, в управлении вот этой религиозной мусульманской сферой достаточно сложный, потому что система муфтията, которая у нас существует, она же не является такой иерархической. Как-то была попытка Екатерины вот эту иерархию создать, знаете, даже тогда были созданы духовные управления мусульман на Кавказе, там была война, после войны говорили про татарские, нашептали ей, чтобы она муфтият сделала, духовное управление создала, вот эти духовные управления, и, конечно, авторитет духовных управлений не так силен, как хотелось бы. Хотелось бы, чтоб у него было больше авторитета, чтобы они больше занимались какими-то...

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Бизнес-проектами.

Марина Мчедлова (ИС РАН): Бизнес-проектами, да, и больше обращали внимания на... Это же система комплексная, но очень интересно еще посмотреть, зависимость от традиций исторического вхождения в Россию, акцентуацию религиозной кавказской общности. Она очень четко прослеживается. Например, в Чеченской республике - благодаря чему чеченцы были спасены? Поменяли политику Джамиля от сопротивления к интеграции для того, чтобы сохраниться как чеченскому этносу. А в Ингушетии такого не было, поэтому для них вот это сопротивление традиционалистское универсализму, оно более явно выражено, как мне кажется, и сегодня проявляется таким религиозным моментом.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): А кроме того, еще момент, надо чтобы еще имам-хатыбы до молодежи могли достучаться.

Марина Мчедлова (ИС РАН): Кстати, да, это большая проблема. Вот, например, в Татарстане. Я не знаю, как, хотя мне представители Северного Кавказа тоже жаловались, что существует, переходит на национальный язык проблема - не все владеют национальным языком, а придет салафит или из ИГИЛа, не обязательно в мечети, он там по-русски расскажет. Это, собственно, та самая ситуация, с которой мы столкнулись в 90 годах, вот второе Крещение Руси, про которое Святейший Патриарх сказал, мы его проиграли, когда они пошли в церковь.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Мы задавали вопросы, касающиеся системы ценностей, и эта тема справедливости и значимости, она была особо выражена в

Ингушетии. В остальных республиках она звучала не столь часто. В Ингушетии – да, очень сильная выраженность.

Леокалия Дробижева (ИС РАН): Тут я ничего добавить не могу, и вообще не могу добавить, и по Кавказу тоже. Есть какие-то очевидные вещи, над которыми стоит подумать. Прежде всего, вот эти большие данные о гражданской идентичности - они у нас везде, а вот реальные данные о гражданской идентичности мы можем представить, наверно, только на основе того, если мы вводим какие-то вопросы о семейных связях. И тогда они у нас очень сильно падают. А вот о религиозной идентичности, у них эта связь на порядок больше, там непонимание реальное...

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Ну конечно, смотря кто спрашивает.

Леокалия Дробижева (ИС РАН): И почему. Поэтому вот эта связь, она, с одной стороны, вроде бы, хорошо, что и то, и другое. А с другой стороны, это разное, и как это влияет на их поведение. Влиять-то будут вот эти маленькие данные о высоком исламизме, о религиозности, и деятельностный фактор в этом исламизме, если хотите. Теперь о справедливости. Мне кажется, вряд ли мы можем установить реальную справедливость там, потому что разные представления не только в самой религии, в разных религиях, но и в нашем светском сознании. Потому что одно дело поделить справедливость, другое дело – правильно вознаградить. Это в православии даже оценивается, вот на Грушинской конференции об этом много говорили, - так какая там справедливость? Или она связана больше всего с властью, вот то, что мы фиксировали. Это чаще всего бывает во взглядах с властью, она правильно действует или неправильно. И вот поэтому я спросила о факторах влияния. Мне кажется, что на Кавказе больше, чем в любой структуре, играет роль вот этот властный фактор, уровень доверия. Не просто доверие, а готовность действовать так, как тебе задает норма. Поэтому такие разные данные в этих республиках. Казалось бы, ну, мы все удивляемся, почему в Чечне такая ситуация. Мы не знаем, что будет дальше, когда их оставят самих по себе. Они начнут воевать, и тогда неизвестно, что будет.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Кто их оставит?

Леокадия Дробижева (ИС РАН): Ну, не будем на это рассчитывать, но фактор важен. Понимаете, когда-то я обращала внимание на Парсонса. У него есть рассуждение об этническом факторе и социальном факторе, и там он говорит, вот это недовольство социальное, о котором вы говорили, оно может очень долго существовать, пока держится власть. Как только власть ослабла, отрываются все концы, тут есть противоречие. Но не будем об этом говорить, потому что это – особые причины, но факт тот, что этот фактор играет большое значение. И вот еще мне кажется, что если возможно (я не уверена, что это возможно), апробировать действительно вот эту идею гражданской идентичности, потому что реально то, что мы фиксируем, это государственная идентичность, а не гражданская. Потому что гражданская идентичность – это деятельностьная, это вот те любые общественные организации. Но у них, понимаете, тоже не так все просто, потому что у них реально существует взаимная поддержка, существует взаимная ответственность, но она другой направленности. То есть в чем-то общая, но в чем-то она и другая, потому что ориентация может быть – изоляционизм, а нам нужна гражданская идентичность открытая, вот поэтому надо как-то это зафиксировать. Может быть, мы вместе будем думать над этим, потому что совершенно очевидно, что мы работаем в разных измерениях.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Если можно, буквально минутку. Леокадия Михайловна, вы вспомнили правильную ссылку, только давайте вспомним. Там не недовольство, если смотреть в английском тексте, там не недовольство, а injustice – несправедливость. И несправедливость (это как у Толстого, все помните, все семьи..), так вот, несправедливость – точный индикатор. Вот справедливость – очень по-разному, а несправедливость в этическом контексте все воспринимают достаточно схожим образом, поэтому исследовать надо не справедливость, а несправедливость. Это первое. И опять же, если уж упомянули Парсонса, различение универсальных и партикулярных ценностей, то, с чего я начал, - вот оно даст возможность выстроить ту самую теоретическую растяжку, которая есть.

Марина Мчедлова (ИС РАН): А можно я вам вопрос задам? Скажите, есть ли авторитет священнослужителя? Вы же еще фокус-группы проводили, скажите, - велик ли авторитет священнослужителя в Чеченской республике?

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Ну, когда говорит человек верующий, напрямую он не скажет, что я не в восторге. Мы не могли вот эти данные напрямую получить, поскольку сам дизайн исследования, его цели предполагали фокусирование на других аспектах. Чтобы это измерить, требуются более чувствительные, сфокусированные на данном вопросе замеры.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): А насколько значимы слова? Вот я помню же, приводили исследование, 14% населения в острой ситуации обращаются к нормам своей религии, помните, да? Провоцировать надо.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Нет, провоцировать их не получится. Здесь я хотела бы в ответ Леокадии Михайловне сказать, вот здесь такая проблема, касающаяся вопросов гражданской и государственной идентичности. Что мы видели, например, в Ингушетии? Развиваются различные формы социальной активности, базирующейся на естественной самоорганизации молодежи. Они организуются на базе отторжения формальных каких-то групп, которые предлагаются государством. В противовес этому они самоорганизуются и участвуют в благотворительной, волонтерской деятельности, и делают это с гораздо большим оптимизмом и желанием, чем участие в тех формах, которые предлагает им региональная власть.

Марина Мchedлова (ИС РАН): Я бы вас хотела поддержать и сказать, что не только на Северном Кавказе, это в Москве, и по всей стране.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Авторитет государство имеет - это только одна инстанция, а все остальное... И то, потому что оно не воспринимается как элемент государства, а воспринимается совсем в другой роли, в другой функции...

Елена Михайлова (ВЦИОМ): На вопрос, почему вы являетесь россиянином, вам начнут говорить, потому что я живу в этом государстве, на этой территории.

Относительно гражданской идентичности. В последнее время мы все-таки стараемся добавлять вопрос «Кем бы вы себя, в первую очередь, назвали, если бы находились за границей? Вот что бы вы, прежде всего, сказали?» Вот здесь надо было измерить динамику, мы сохранили старую формулировку, поэтому в таком формате вопрос не задавался. Но сейчас мы стараемся уходить от прямолинейных вопросов.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Коллеги, а здесь кто-то еще хочет выступить с докладом. Вы не хотели бы нам что-то рассказать?

Роман Волков (Институт Европы РАН): Мне кажется, я, может, несколько стандартно к этому отношусь. Роман Волков, Институт Европы. У меня есть несколько возражений. Спасибо вам за доклад. У меня есть несколько соображений. Прежде всего, с одной стороны, мне показалось, что есть определенная проблема с уникальностью, в общем, с уникальными выводами, которых можно было бы ожидать. Потому что высокая религиозность Дагестана, Ингушетии, Чечни, она в принципе известна. Известны там социально-экономические проблемы. И то, что обращается внимания очень много на безработицу, на родственные связи - здесь есть какие-то такие общие моменты, которые характеризуют эти республики. И то, что касается Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии - они как бы стоят особняком именно потому, что молодежи и широкой общественности, ну, в данном случае была молодежь, в этих республиках предоставляется как бы больший выбор самых разных мировоззрений, не только религиозных, но и идентичности, и гражданской, и разных направлений ислама, в том числе и местных традиций. Вот адыгская этика, которая, в общем, о которой знает тоже большая часть населения, и, может быть, у людей нет такого религиозно-философского представления об этой этике, но есть мировоззренческое представление о том, что мы не совсем мусульмане. Это в Кабардино-Балкарии, по крайней мере, есть, но точно в Карачаево-Черкесии. Это как раз вот ваше исследование показало, насколько эти республики отличаются от остальных. И в этом смысле это та традиция, которая в этих республиках есть и уже прописана. Но поскольку это исследование посвящено молодежи, то для меня стало, вот я размышлял действительно о том, почему религиозный фактор для вас сознательно или подсознательно воспринимается как угроза и страшная опасность. Это чувствовалось, ну, может быть, подсознательно. Не потому что это действительно сама по себе опасность, но поскольку это исследование именно молодежи, то такая высокая религиозность именно среди молодежи, вот в этом кроется даже не опасность, а вызов, вызов – вот это правильное слово, чтобы не обижать ислам и не считать всех экстремистами, потому что среди молодежной аудитории сложно ожидать, что она будет принадлежать к традиционному укладу, так как нет авторитета священнослужителей и духовенства, они читают совершенно другие книги, которые печатаются в Саудовской Аравии и распространяются у нас в России совершенно свободно. И во многих книгах нет

ничего плохого, там просто содержится чистый ислам. Из этого можно много разных выводов делать, это уже другой вопрос, но с этой точки зрения, вопросы, которые вы задавали по исламу, они как бы провоцировали респондентов на лицемерие. Вот в Чечне, я почувствовал, они декорацию создали, они отодвинулись от вопросов вообще. Самый показательный – это вопрос по поводу джихада. Традиционный, нетрадиционный, просто правоверный мусульманин может выбрать все опции этого вопроса. То есть джихад – да, это обязательно, действительно, это в учении содержится. С точки зрения правоверного мусульманина, конечно, это ошибка. Противоречит ли это исламу? Да, это может противоречить исламу, но в каком-то смысле, то есть он может все опции вопроса выбрать, кроме «я затрудняюсь ответить». А во всех остальных вопросах выяснялось - экстремист он, не экстремист тот, который перед вами. Вот в этом как раз вся сложность. И напоследок еще один пример, который как раз и говорит об этой сложности. Дело в том, что мы с коллегами проводили такое полевое исследование по Кабардино-Балкарии в 99 году, мы тогда очень много общались с мусульманскими деятелями, в том числе в общинах, которые были тогда в подчинении Духовного управления мусульман, и потом второй раз проводили исследование, в 10 году по-моему, европейское, и выяснили, что большинство людей, с которыми мы общались, - это все были люди с высшим образованием, довольно-таки образованные, очень религиозные, и сейчас, когда мы опрашивали людей в Кабардино-Балкарии, так же оказалось, что золотая молодежь тоже идет туда, в эти группировки.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Слово «неплохая» специфицируйте?

Роман Волков (Институт Европы РАН): Неплохая что?

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Вы сказали «неплохая молодежь», специфицируйте!

Роман Волков (Институт Европы РАН): То есть в том числе и золотая молодежь идет в эти группировки.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Вопрос, почему они так привлекательны, и что делать, чтобы это избежать. Что создать взамен?

Роман Волков (Институт Европы РАН): То есть предлагается такой набор своеобразных идей (не только это идея война, которая их привлекает). И, безусловно, это завязано на многообразие ислама. И вот проблем-то по крайней мере две. Это стремление манипулировать исламом на региональном уровне (и пример Ингушетии ярко говорит - там смена муфтиев сверху и так далее). И второе – стремление законодательным образом снизить вообще в целом многообразие религиозной деятельности, и как раз вот этот проект, который сейчас предложен для работы в школах...

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Нет, это оставьте.

Роман Волков (Институт Европы РАН): Давайте оставим это Австралии.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Первое: проект – не закон и не стремление (извините, не надо путать уважаемую мной Ирину с президентом Российской Федерации). Роман, может, если подумать, проблема заключается в чем: люди ищут простых решений, и всякие истории связаны с простыми решениями. А вы пытаетесь найти сложное решение простых проблем. В этом все дело, что псевдорелигиозный экстремизм – это простой способ ответить на все многообразие смысла жизненных проблем. Попытка вести разговор про рабочие места и так далее - вы не дотягиваетесь до смысла жизненных проблем. Пока вы не предложите иную убедительную смысложизненную альтернативу, ничего не произойдет, а вопрос состоит только в одном: где у вас вход в эту смысложизненную систему. А вход – 10 лет до этого. Вход в смысложизненную систему – это первичная, вторичная социализация, но в начале вторичная социализация. То есть начальная школа, другие СМИ, и так далее. Но для этого надо, извините, иметь несколько другое государство, которое это понимает. Примитивный марксизм с предложением большего числа рабочих мест - это плохо. Главная проблема – вы должны найти вход в формирование смысложизненного представления на начальном этапе вторичной социализации, если теоретическая социология является наукой. Хотя есть люди сомневающиеся.

Роман Волков (Институт Европы РАН): Сейчас предлагается только один вход - это государственный ислам, который молодежь отрицает.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Одну минуточку, кто это предлагает?

Роман Волков (Институт Европы РАН): Региональная власть.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Не надо клеветы. Никто государственного ислама не предлагает. Чем ваш покорный слуга, который ни к государственному исламу, ни к негосударственному исламу не имеет ни малейшего отношения, как вы догадываетесь...

Роман Волков (Институт Европы РАН): В Москве – нет, а в регионах – да.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Не может. Роман говорит, что примитивные государственные деятели пытаются реагировать на...

Евгений Моргунов (ИСЭПН РАН): Почему примитивные? Для Чечни и других кавказских республик — это по сути факт. Чечня — это национальное государство чеченцев в составе Российской Федерации, так записано в Конституции. Главное там – ислам.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Прошу обратить внимание. В каждой республике ключевыми факторами поддержки ИГИЛ являются разные составляющие. Например, в Дагестане мы видели, что стереотипное восприятие вступления в ИГИЛ как средства для повышения собственного уровня благосостояния. Есть очень много примеров, на которые ориентируется молодежь, когда действительно молодые люди покупали квартиры, покупали машины, получали достаточно долго средства. И следовать этому примеру очень хочется молодым людям. Это очень просто, находясь на территории. Вот сейчас они начали задумываться - сейчас ИГИЛ использует мобилизационный ресурс, предполагается участие в боевых действиях. Длительный период не предполагалось, что куда-то надо ехать. Люди просто получали деньги, они хорошо жили, они просто рассказывали, как это замечательно. И это, конечно, способствовало поддержке такого рода идей. Идеологическая составляющая там вообще если и присутствовала, то была вторичной. Они рассказывали, что есть такое средство замечательно устроить свою жизнь. И совсем другая история, например, когда мы видим в Северной Осетии - да, там вовлекают именно за счет оперирования понятием справедливости (что ты живешь плохо, а это несправедливо). Далее идут аргументы, о которых вы говорили. Это опять-таки разные мотивационные системы. Вот там православная молодежь - им объясняют, что нет справедливости, а вот там она будет, мы видим этот путь. И вот здесь происходит смена

вероисповедания. Система такой идеологической обработки поставлена достаточно хорошо.

У нас время уже заканчивается. Я, во-первых, очень благодарна вам всем, что вы пришли в этот жаркий день, что вы нашли время к нам приехать. Во-вторых, материала очень много. Какие-то группы еще требуют дополнительного анализа. Например, мы отдельно проводили группы с русскими, которые находятся в этих республиках, с представителями титульных национальностей, этнических кланов. Если вам будет интересно, если вам будет полезно, мы всегда готовы сравнить наши данные, мы готовы совместно поработать, и дальше исследовать это очень сложное направление, этот очень сложный регион, для того чтобы рекомендовать нашим органам власти принимать оптимальные решения.

Елена Михайлова (ВЦИОМ): Можно понять. Материалы – это исторические памятники, и я думаю, мы еще с вами какие-то аспекты этого большого проекта потом обсудим, потому что производство исторической памяти, национальной памяти – все это огромная работа.

Иосиф Дискин (член Общественной палаты РФ): Спасибо огромное за это гигантское дело и гражданский подвиг.